

"Тоталитаризм" как теоретическая рамка: попытки ревизии спорного понятия

"Завершение революционной фазы. Начало стабилизации". События, сопровождавшие приход В.Путина к власти, и меры, предпринятые его окружением для закрепления достигнутого успеха, вызвали эффект дежа вю или потребность в аналогиях с концом 20-х или началом 30-х годов XX в. О В.Путине говорят как о лидере, обозначившем конец смуте посткоммунистической "революции", переделу собственности, открывающем эпоху спокойного и длительного развития. Зарубежные аналитики, объясняя эффект популярности В.Путина при проводимой им явно нелиберальной политике, приписывают В.Путину идеологию "авторитарной модернизации". Эта характеристика и схема интерпретации чаще встречается у исследователей, разделяющих "парадигму перехода" (Transitionstudies) бывших коммунистических стран к современной демократии, рыночной экономике и пр., а потому воспринимающих различные свидетельства усиления недемократической власти в России довольно спокойно и прагматично. Они расценивают это как неизбежную плату за завершение процесса модернизации в слабых странах, где отсутствуют требуемые политическая культура и институты демократии, не развиты структуры гражданского общества, где, наоборот, сильны традиции государственного произвола и бесправия населения и т.п. Напротив, о становлении "постреволюционной диктатуры" и необходимости "управляемой демократии" для укрепления российской государственности и преодоления затянувшегося "кризиса" пишут бывшие российские либералы, осознавшие "историческую необходимость" момента, "приоритет национальных интересов" и т.п.* И у тех и у других остро ощущается дефицит средств для интерпретации происходящего, определения специфики социальной системы, существующей в настоящее время в России. Отсутствует категориальная система описания и объяснения процессов в российском обществе.

Однако понятийного дефицита ради не стоило бы ввязываться в предприятие, требующее пересмотра или проверки старых терминов. В конце концов это проблемы других дисциплин. Но остается собственный вциомовский интерес: трудности интерпретации и понимания противоречивого материала массовых опросов общественного мнения в постсоветской России. Мне представляется, что определенные виды массовых устойчивых реакций, которые мы фиксировали на протяжении всего периода исследований, которые описывались и трактовались как симптоматика "хронического кризиса", либо, напротив, как выражение традиционных составляющих русской культуры и т.п., требуют других координат или рамок объяснения. Сюда относятся, например, сознание своей исключительности, зависти, рессантимент, структуры негативной идентичности, природа социального страха (как горизонта восприятия настоящего), устойчивость угрозы войны, атомарность и слабая способность к социальной солидарности, апатия, терпение и ряд других конфигураций массового сознания, описанных в работах авторов "Мониторинга" и "Простого советского человека". В широкой прессе и публикациях многих исследователей они привычно рассматриваются как следствия экономического кризиса, падения производства, обнищания и т.п. Попытки доказать или опровергнуть объективный характер такого рода

* Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции: От Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001.

причин, даже будучи очень убедительными и аргументированными, не затрагивают основных механизмов, порождающих подобные массовые реакции*. Правильнее было бы связывать их с особенностями "советского человека".

Однако задачи теоретической реконструкции "человека советского" как важнейшего социально-культурного образования, обеспечивающего консервативный характер процессов последних 25 лет, упираются в несколько трудных вопросов. Мало описать различные стороны и проявления этого особого социально-антропологического типа, необходимо еще объяснить его целостность, т.е. указать на механизмы его социокультурного воспроизводства и способности к адаптации, которые сами по себе лежат вне плоскости этих антропологических характеристик и требуют собственной теоретической развертки. Для адекватной идентификации составляющих "советского человека" необходимо дать рамку не только уходящих или сохраняющихся, инерционных институциональных структур, но и неформальных социальных образований, групповых представлений и норм, во взаимодействии с которыми и возникает противоречивая, но по-своему очень действенная идентичность советского человека в его поздних вариантах.

Из концептуального треугольника: официальные социальные институты—неформальные образования и структуры взаимодействия—человек — мы берем в работу только "человека" исходя как бы из данного нам материала: коллективных мнений и представлений, полученных в ходе опросов. Конечно, сложность нашей ситуации заключается в том, что в отличие от тех моделей социальнойности, которыми привыкла пользоваться социология, исходящая из действительности западных обществ с их кумулятивной институциональной рациональностью, в российской практике мы имеем дело с систематически разрушаемой упорядоченностью реальности, разрушаемой и официальными структурами, и самим населением, поскольку эта разорванность является важнейшим условием выживаемости и адаптации**. Поэтому задача объяснения "жизнестойкости" россиян, продолжающих существовать при всей их действительной или видимой "хилости", "бедности", при вечных жалобах на "невьносимые условия" жизни и великие "страдания", выпавшие на их долю, может решаться только через разработку новых аналитических средств типологического описания социального действия. Гораздо большую роль в них будут играть такие модели, которые синтезируют средства или элементы действия, кажущиеся иррациональными (и по ка-

* См., например, очень элегантный и убедительный экономический анализ мнений о падении производства в результате реформ в бывших социалистических странах: *Ослунд А.* Миф о коллапсе производства после крушения коммунизма // Вопросы экономики. 2001. № 7. С. 115-138.

** Я не хочу сказать, что повседневная реальность для западного индивида более рациональна, чем для русского жителя, — и та и другая принципиально иррациональна и парциальна в своих ситуативных контекстах. Речь о другом: в одном случае институциональные структуры сами по себе, по своей конституции, вне намерений отдельных действующих лиц тяготеют к рационализации массового поведения, четко фиксируя нормативные рамки и правила действия; в другом — условия выживания зависят главным образом от того, в какой степени действующий может ситуативно соединять нормативные императивы разных образований, в том числе институциональных, обходить их, используя их для собственных целей. Институциональные стратегии действия не представляются массовому человеку в России ни самыми оптимальными, ни самыми безопасными (и это подтверждается данными наших опросов). См., например, данные о хроническом недоверии ко всем общественным институтам, кроме "президента", "церкви" и "армии" (с. 6 в этом номере журнала).

жущимся иррациональными основаниями), но которые по сути представляют собой общепринятые связи радикалов разных социальных нормативных и ценностных образований. Формальные, институциональные нормы и предписания, центральные не являющиеся здесь доминирующими или ведущими, хотя и по-своему значимыми*. Поиск квалификаций и определений такого рода механизмов только **начинается**. Отсюда внимание авторов "Мониторинга" к таким вещам, как "привычка", "комплексы", "терпение" и т.п., т.е. к таким структурам действия, которые, строго говоря, не относятся ни к чисто рациональным (целе- или ценностнорациональным, если следовать веберовской схематике) формам действия, специфичным для современного общества, ни к традиционным или аффективным действиям, объясняемым с помощью психологических средств**.

Однако, держа в уме эти задачи, в данном случае я хотел бы ограничиться более узкой темой: определить пригодность для наших целей существующих в политической социологии понятий репрессивных режимов с тем, чтобы иметь возможность удерживать при интерпретации виомовских данных институциональный контекст советского человека, обычно лишь подразумеваемый, и следствия, которые имеют место быть при разложении подобных структур. Задача определения недавнего прошлого как условия настоящего (необходимой системы его координат) остается и сохраняет всю свою силу и актуальность. Генерализованных теоретических понятий, характеризующих общность массовых диктаторских и репрессивных режимов, возникших только в XX в., очень немного. Поэтому в данной статье основное внимание я намерен уделить ключевому для XX в. понятию "тоталитаризм", проанализировать его теоретический потенциал и оценить его пригодность для нашей нынешней работы.

Статус понятия. Понятие "тоталитаризм", фиксирующее принципиальные особенности репрессивных социально-политических систем в XX в., стало вместе с тем не просто одной из наиболее важных и дискуссионных категорий, но и одним из самых заболтанных понятий, почти потерявших свое значение в качестве средства описания (при сравнительных исследованиях) или интерпретации. Долгое время это понятие считалось безнадежно устаревшим, похороненным историками по разным причинам, утратившим определенность своего смыслового содержания, многозначным, оценочным и пр. Однако в последнее десятилетие интерес к нему возродился с новой силой, причем в разных странах, но прежде всего в Германии. Там прошли многие научные семинары и конференции, посвященные истории и логической структуре понятия, состоялись дискуссии среди историков, скептически воспринимавших тоталитарную модель, с одной стороны, и социологами, политологами, защищавшими инструмен-

* Грубо говоря, требуется объяснить, как соединяются продемонстрированные не так давно тележурналистами в Видяево во время событий вокруг "Курска" привычное убожество типового жилья командира АПЛ и офицеров его команды, высочайший уровень сложности техники самого корабля, пафос "служения Родине", готовность отстаивать честь державы, которые проявляли практически все участники событий, — от адмиралов до жен погибших, и шкурные интересы командования, обычное чиновничье вранье, вкупе с антизападной демагогией и не столько даже с отсутствием такта у высшего руководства страны, сколько с характерной для лиц такого статуса бесчеловечностью.

** См.: *Левада Ю.* Перспективы человека: Предпосылки понимания // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2001. № 4. С. 7–13; *Дубин Б.* Жизнь по привычке // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1999. № 6. С. 18–27; *Он же.* Запад, граница, особый путь // Там же. 2000. № 6. С. 25–34.

тальную эффективность этого концепта, — с другой. Только за последние годы вышло несколько работ, в которых ставилась цель определить возможности и границы категории "тоталитаризм" уже с учетом опыта бывших социалистических стран, соотношения понятий "тоталитаризм", "фашизм", "советская система" и пр.

В России дело обстоит несколько иначе. Понятие "тоталитаризм" интенсивно использовалось в ходе недолгой антисталинской критики конца 80-х годов, вошло в публицистику и политический лексикон политиков, даже высших (см., например последнюю, прощальную речь М.Горбачева на посту президента СССР или же выступления Б.Ельцина в те же дни), но существенной терминологической работы с ним в эти годы не велось. Характерным примером может служить сборник*, выпущенный "Философским обществом" СССР, где лишь в двух статьях, а именно: у О.Ярцевой и у В.Чаликовой — есть отсылки к соответствующей литературе (упоминаются Х.Арендт, Ф.Боркенау, К.Й.Фридрих, З.Бжезинский и др.) и, соответственно, делается попытка хоть как-то терминологически определиться. Сегодня для постороннего глаза этот сборник мог бы произвести впечатление беспредметной интеллигентской говорильни, однако такой вывод был бы несправедлив. Не будучи продуктом собственно научной или даже философской мысли, подобные материалы "круглых столов", симпозиумов и пр. выступают важнейшими элементами клубной субкультуры, внутри-средовой коммуникации, составными частями ритуалов групповой солидарности, конденсирующих групповые установки и ценности, которые, в свою очередь, становятся уже предпосылкой собственно научной работы. Такую же важную работу первичного сведения информации по проблеме выполняют и издания ИНИОН**, представившие обзор публикаций по теме "тоталитаризм". Несмотря на ряд достоинств этих изданий, в них нет важнейшей составляющей, которая определяет смысл научных исследований, — соотнесения с отечественной реальностью и задачами ее рационализации (это не упрек, а признание особенностей работы ИНИОН).

В Институте всеобщей истории РАН на протяжении нескольких лет шел постоянный семинар по проблемам тоталитаризма в Европе, результатом которого стала представительная коллективная монография "Тоталитаризм"***. При том, что в книге представлен интересный и важный материал, исследования тоталитаризма как специфического феномена здесь нет. Более того, авторы этой коллективной монографии всеми силами, следуя советской историографической традиции, стараются доказать несостоятельность попыток сравнительного анализа советской и других диктатур, отрицая саму теоретическую идею "тоталитаризма", а именно она нас прежде всего интересует. Хотя изложение этих подходов (Х.Арендт или

* Тоталитаризм как исторический феномен / Отв. ред. А.Кара-Мурза, А.К.Воскресенский. М.: Философское общество СССР, 1989.

** Тоталитаризм: Что это такое? Сб. обзоров, статей и рефератов. Ч. 1–2. М.: ИНИОН РАН, 1993. Сборник содержит рефераты работ Х.Арендт, М.Кертиса, М.Функе, К.Брахера, Л.Шапира, Ф.Боркенау, К.Фридриха, З.Бжезинского, а также статьи К.Гаджиева, Ю.Игрельского, Ю.С.Пивоварова и обзор интересной для нас дискуссии "Была ли ПНР тоталитарным государством?" в Институте политических исследований РАН и доклад Кр.Керстен (реферат ее выступления и дискуссии см. с. 259–279).

*** Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления / Рук. авт. колл. Я.С.Драбкин, Н.П.Комолова. М.: Памятники исторической мысли, 1996. (Сер.: "Россия-Германия-Европа". ИВИ РАН; Центр германских исторических исследований и "Мюльхаймская инициатива". Вып. 2.)

К.Фридриха) дается, но концептуальные положения ведущих теоретиков остаются лишь элементами научного этикета, академическими реверансами в сторону западных коллег, не превращаясь в методические инструменты, не включаясь в теоретические системы объяснения материала. Получается: материал (в духе советских интерпретаций фашизма) — сам по себе, схемы (без анализа и критики) — сами по себе, после чего делается вывод о неадекватности и устарелости понятия "тоталитаризм" применительно к советской истории. Некоторые подходы к теме можно найти в сборнике статей "Тоталитаризм в Восточной Европе"^{1*}. Отдельные аспекты проблематики тоталитарных обществ (наука, культура, религия и т.п.) освещаются в публикациях Института социологии РАН^{2*}, в тематических сборниках международных конференций^{3*} и других изданиях. Но к середине 1990-х годов интерес к данному понятию заметно ослабел, само понятие к этому времени из публикации уже исчезло. Новых работ у столичных авторов не появилось, зато само словоупотребление ушло в провинцию (в обоих значениях слова): оно стало признаком хорошего тона в бесчисленных учебниках по политологии, учебных курсах в провинциальных вузах по истории фашизма, политических учений и т.п., чаще выходящих в областных и региональных центрах. Я оставляю в стороне довольно значительную уже по объему фактографическую литературу, создаваемую историками, правозащитными обществами и "Мемориалом", относящуюся к массовым репрессиям, истории цензуры, пропаганде и т.п. Она очень важна, но в данном случае не относится к нашей теме^{4*}.

Резкий (я бы сказал принципиальный) контраст по отношению к российским авторам представляют разработки зарубежных исследователей, ведущиеся уже почти 70 лет. Объем имеющейся литературы по этой тематике выходит за пределы возможностей одной, даже очень большой статьи. Только по теориям тоталитаризма в последние годы вышло несколько книг. Поскольку меня в данном случае интересует не исторический, содержательный материал этих исследований, а сами идеи, определяющие понимание феномена тоталитаризма, я буду останавливаться только на работах, имеющих отношение непосредственно к логике теорий тоталитаризма. Кроме того, вынужден ввести два ограничения. *Первое* — я практически не буду касаться огромной, но почти не рассматриваемой темы "восточного тоталитаризма", к которому относятся китайский, камбоджийский, вьетнамский, а также множество других режимов в странах Азии или Африки (какие-то черты "восточного тоталитаризма", безусловно, присущи и советскому типу диктаторского режима). Правильнее было бы сказать, что эти режимы теоретически мало осмыслены и исследованы именно в качестве тоталитарных систем. Это дело ближайшего будущего. Даже по осторожным прикидкам, сегодня в мире более половины всех государственно-политических систем можно считать тоталитарными. Иначе говоря, по мере модернизации стран третьего мира эта форма политических систем становится доминирующей. *Второе ограничение* состоит в том, что проблематика тоталитаризма рассматривается в данной статье преимущественно на материа-

лах работ немецких исследователей, вышедших в последнее время. Для Германии эта тема имеет важное значение, и споры вокруг названных проблем приобретают особую остроту и четкость позиций, причем как у сторонников теории тоталитаризма, так и у их оппонентов.

Есть несколько типовых обвинений, повторяемых критиками этой конструкции. Первое я уже называл: *многозначность или неопределенность* понятия "тоталитаризм", его смыслового содержания, включение в его состав разных признаков и характеристик, значительная терминологическая эластичность понятия. Второе — *абстрактность понятия, отсутствие эмпирических признаков*, делающих возможным историческую или эмпирическую политологическую описательную работу с ним. Третье, связанное со вторым, — *вневременность* этого понятия, его *неисторичность, неспособность к развитию, фиксации изменений*, происходивших в мире после поражения нацистской Германии и в конце сталинского правления, в период разрядки. К этому же типу можно отнести указание на ограниченность или проблематичность его применения по отношению к репрессивным или диктаторским режимам в странах третьего мира.

Остановимся на этих критических суждениях. Действительно, понятие "тоталитаризм" весьма многозначно. Однако эта многозначность — продукт его исходной результативности в сравнительном описании коммунистического и нацистского режимов. То, что многообразие ситуаций употребления того или иного понятия резко расширилось, что оно вышло за рамки чисто научных контекстов и задач, никак не может служить упреком для собственно терминологически корректной работы с ним. С "тоталитаризмом" произошло примерно то же, что и с другими ядерными теоретическими понятиями в социальных науках, такими, как бюрократия, харизма и пр., задающими определенное направление и контекст интерпретации. Именно его работоспособность привела позднее к использованию его уже как метафоры репрессивных режимов как таковых (или даже в качестве клише для фиксации тенденций к усилению репрессивности) в политической риторике. Переходя в другие социальные и культурные среды, понятие "тоталитаризм" утратило свою теоретическую эвидентность, но зато приобрело массу факультативных значений, учитывающих и отношение к этим режимам, и последствия их для развития демократии, и отношение к тем, кто использует его в социально-политической конкуренции. Тоталитаризм стал собирательным семантическим комплексом, ужасающим образом состояния общества, от которого отталкиваются или дистанцируются для проведения актуальной демократической политики, в процессах саморефлексии и пр.

Особое, негативное отношение к этому концепту сформировалось в 70-х годах среди историков и правоведов ФРГ, полагавших, что тоталитаризм по своей сути ставит преступления нацизма в один ряд с последствиями других диктаторских режимов и, соответственно, снимает его уникальность*. Иначе говоря, неприятие концепции тоталитаризма было связано среди прочего со стремлением сохранить в Германии комплекс "немецкой вины", удерживать его в качестве специфического и очень важного для самоидентификации немецких интеллектуалов социального, культурного, даже экзистенциального мотива. В этом плане кризис концепта тоталитаризма может рассматриваться как симптом кризиса западных представлений о легитимности. "Спор о тоталитаризме и фашизме составлял

1* Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. (См., например, работу: *Миллер А.* Тоталитарный процесс в Центральной и Восточной Европе. С. 8-21.)

2* Тоталитаризм и посттоталитаризм. М.: ИС РАН, 1994. Кн. 1-2.

3* *Соцреалистический канон* / Под ред. Х.Гюнтера, Е.Добренко. СПб.: Академический проект, 2000.

4* См., например: Тоталитаризм в России (СССР), 1917-1991. Пермь: Мемориал, 1998.

* "Всякое сравнение ведет к релятивизации национал-социалистической системы" (*Eckhard J.* Totalitarismusforschung im Streit der Meinungen // Totalitarism in XX. Jahrhundert. Baden-Baden: Nomos, 1996. S. 10.

фоновые проблемы западногерманского понимания государства, основанного на антитоталитарном послевоенном консенсусе, и в значительной степени повлиял на утверждение немецкой демократии^{*}. Можно сказать, пользуясь словами немецкого историка, что антитоталитарные ценности обусловили "онтологические ориентации" немецкого государственно-правового мышления.

О собственно идеологической критике этого понятия я только упомяну, не собираясь подробно останавливаться на ней. Она обусловлена тем, что возникновение понятия "тоталитаризм" связывается исключительно с периодом "холодной войны" и противостоянием двух систем. Отсюда его главное назначение не аналитическое или описательное, а идеологическое. За ним стоит стремление удержать негативную дистанцию по отношению к социализму (с одной стороны, путем отождествления нацизма, фашизма и коммунизма советского образца, а с другой — благодаря образу коммунизма как террористического режима, диктатуры, неэффективной государственной распределительной экономики и репрессивной цензуры любой информации), консолидации западного мира вокруг образа врага, поддержание и воспроизводство ценностей демократической культуры. Нельзя сказать, чтобы этот образ был несправедлив или нереален. Но главное в этой критике — функции, не связанные с научной рациональностью, с целями понимания и объяснения.

Таким образом, в самом понятии "тоталитаризм" в его сегодняшнем употреблении открываются два плана: аналитически-дескриптивный и оценочно-нормативный (публицистический, пейоративный, идеологический)^{**}. Для нас, разумеется, важен и значим лишь первый план, поскольку, повторю еще раз, попытка чисто идеологически дискредитировать понятие, указывая на его **внеаучные** функции (использование публицистами, политиками для своих собственных задач), в строгом смысле ничего не значит с точки зрения методологической корректности и результативности его использования в собственно научных целях.

Критические аргументы второго и третьего типов (абстрактность, неисторичность понятия, неспособность этой теории к развитию и т.п.) рождаются из двух, совершенно разных источников. Первый коренится в явном недоразумении, частично даже злонамеренной фальсификации "левыми" или в незнании работ, на которые опирались авторы, признанные классиками и основоположниками теории тоталитаризма. История исследований этой тематики возводится в таких случаях главным образом к началу 50-х годов, к моменту выхода в свет книг Х.Арендт, К.Й.Фридриха и З.Бжезинского (уже С.Талмон упоминается гораздо реже). Понятно, что связь эпохи "холодной войны" и интенсивных занятий проблемами тоталитаризма далеко не случайна, и левые не должны были бы ее сбрасывать со счетов даже в своем стремлении к апологии СССР. И уж тем более нельзя игнорировать самые ранние фазы изучения наиболее значимого политического феномена XX в. и его развитие. Второй источник претензий точно так же не содержит ничего принципиально нового и воспроизводит методологическую рутину взаимных претензий историков и социологов друг к другу. Историки упрекают представителей любых других дисциплин в использовании генерализованных понятий. Социологи, в свою очередь, утверждают, что историки не могут обойтись без подобных конструкций, вводя их контрабандным или неконтролируемым образом. Серьезные историки со-

^{*} Bracher K.-D. Die Aktualität des Totalitarismusbegriffs // Totalitarismus / Hg. von K.Loew. Berlin: Duncker & Humblot, 1988. S. 28. О дискуссии немецких историков см. обзор А.Борозняка: Борозняк А. Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М.: Пик, 1999.

^{**} Eckhard J. Op. cit. S. 10.

знают подобные методологические дилеммы и редко опускаются до такого уровня полемики. В любом случае дискуссии о логических типах понятий в исторических и генерализующих науках ведутся уже более 130 лет и обсуждать их здесь нет смысла.

Теоретическая история проблемы. Историки, изучающие проблему тоталитаризма, в качестве теоретической проблемы выделяют несколько стадий в исследованиях тоталитарных систем.

1. 1926–1930 гг.: ранняя социальная диагностика тоталитаризма — формирование тоталитарных режимов и осознание их отличия от предшествующих политических форм.

2. 1930–1950 гг. — описание институциональных особенностей и социальной технологии репрессивных режимов.

3. 1951–1968 гг. — систематизация имеющихся разработок, появление различных теорий тоталитаризма.

4. 1968–1989 гг. — критика концепций тоталитаризма, анализ воспроизводимости и потенциала устойчивости тоталитарных систем, описание процессов разложения тоталитарных режимов.

И, наконец, можно говорить о нынешней фазе, начавшейся распадом коммунистической системы, постепенным открытием архивов, что существенно меняет исследовательскую ситуацию для историков. На этой стадии все большее значение приобретает уже не сама проблематика формирования и существования тоталитарных систем, а выход из них, проблемы сравнительного изучения трансформации прежних закрытых обществ в открытые, демократические, рыночные, равно как и факторов, способствующих успеху подобных процессов. Иными словами, проблематика тоталитаризма существенно менялась с течением времени, будучи зависимой от положения дел в обществах, им затронутых.

История изучения тоталитарных систем начинается во второй половине 20-х годов с описания фашистского движения в *Италии* и установления нового порядка Б.Муссолини, сравнения их с большевистской диктатурой в СССР и разворачивающимся нацистским движением в Германии. Само слово "тотальный", "тоталитарный" в смысле, имеющем отношение к нашей тематике, возникает в языке итальянской политической публицистики весной 1923 г. (самое раннее употребление, согласно исследованиям М.Енике^{*}, зафиксировано в статьях либералов Дж.Амендольи и П.Гобетти, резко реагировавших на марш фашистов на Рим). Если критики фашистов, используя это понятие, в тот момент подчеркивали необычную брутальность, открытую, демонстративную готовность к насилию не только для захвата власти, но и в стремлении монополизировать власть, силой устранить любых политических противников^{**}, то сами фашисты в понятие "тоталитарный" вкладывали готовность к масштабной перестройке и изменению самих оснований социальной жизни^{***} и вместе с тем акцентировали свой "политический стиль насилия, культ насилия, быстрого решения

^{*} Jaenicke M. Totalitare Herrschaft. Anatomie eines politischen Begriffs. Berlin, 1971; см. также: Kraushaar W. Sich aufs Eis wagen. Plädoyer für eine Aufeinanderersetzung mit der Totalitarismustheorie // Totalitarismus in XX. Jahrhundert. S. 453–455.

^{**} Petersen J. Die Entwicklung des Totalitarismusbegriffs in Italien // Totalitarismus in XX. Jahrhundert. S. 99.

^{***} Дж.Джентиле — один из фашистских идеологов, министр в правительстве Б.Муссолини (и известный исследователь Гегеля) заявлял, что "фашизм — не просто политическая доктрина", а "тотальная концепция жизни" (март 1925 г.). Доктрина фашизма, опубликованная под именем Б.Муссолини, была написана Дж.Джентиле. Ему же принадлежит выражение "тоталитарный режим" для характеристики фашистского государства (правда, появившееся значительно позже по времени в английском журнале).

проблем, непреклонной и последовательной воли (*Dezisionismus*), бескомпромиссной нетерпимости" в отношении к врагам и сомневающимся, стремление подчинить все без исключения сферы общественной жизни фашистской программе создания новой *Италии*^{1*}. Понятие "тотальный" в этом контексте означало вместе с тем направленность государственного насилия не только против какого-то одного вида политических противников, а против всех фактических и потенциальных оппонентов фашистов (уже *Ф.Турати* — один из лидеров итальянских социалистов, в 1928 г. подчеркивал, что фашисты — против не только социалисты, но и любых других политических партий, не разделяющих лозунги возрождения *Италии*^{2*}).

Исходное словосочетание или выражение "тоталитарное государство" (*stato totalitario*) появляется в речи *Б.Муссолини* осенью 1925 г. первоначально как полемический прием, переворачивание высказываний его критиков и придание их негативному выражению и отношению к претензиям фашистов на господство нового, "позитивного" ценностного качества (ср. часто цитируемые слова *Б.Муссолини* — "Все в государстве, ничего вне государства, ничего против государства, одна лишь жестокая (*feroce* — дикая, свирепая, хищная. — *Л.Г.*) тотальная воля..."^{3*}). Встречается оно и у других, например у *Дж.Джентиле*, но долгое время еще сохраняет статус риторической политической фигуры, не получая необходимой терминологической проработки^{4*}. Вместе с тем в семантику понятия "тоталитарного" (государства, движения, режима, системы) включаются комплексы значений, ранее между собой не связанных:

1) направленность против прежних демократических, законных институтов и породившей их культуры как дегенеративных, слабых, прогнивших, не способных к решительным изменениям, реализации новых "великих" целей "нации", так что за соответствующими партиями и организациями закрепляется ярлык корыстных, коррумпированных защитников старого порядка;

2) тоталитаризм одновременно соединяет две задачи: быстрой модернизации общества и консервации определенных сил, декларирующих социально-органическое единство, выступая как консервативная диктатура^{5*};

1* *Bracher K.-D. Zeitgeschichtliche Kontroversen. Um Faschismus, Totalitarismus, Demokratie. München, 1976. S. 44.*

2* *Petersen J. Die Entwicklung des Totalitarismusbegriffs in Italien. S. 99.*

3* Цит. по: *Totalitarismus / Hg. von M.Funke. Düsseldorf, 1978. S. 106.*

4* Само по себе слово иногда употреблялось политическими философами и ранее, но до конца 20-х годов оно имело различный, сугубо контекстуальный смысл. Оно встречается, например, в ранних работах *К.Шмитта*. Позже — в полемике с *Э.Юнгером* в 1931 г., возражая против его идеи "тотальной мобилизации" (см.: *Юнгер Э. Тотальная мобилизация. Рабочий. Господство и гештальт. СПб., 2000. С. 447 и т.д.*) как совершенно нового в истории явления, порожденного соединением массового общества, войны, революции и неизвестного ранее господства техники, *К.Шмитт* писал, что всякое современное государство по сути своей "тотально" (*der totale Staat*), что у нацистов речь идет лишь о количественном расширении компетенции государства, а не о его новых формах. Он полагал, что та специфическая форма, которую придают ему фашисты или нацисты, объясняется не силой, а слабостью государства. (Сравните: "Тоталитарное государство рождается из слабости государственных структур, из использования государства как средства насилия". *Fijalkowski J. Die Wendung zum Führerstaat. Die ideologische Komponenten in der politischen Philosophie Carl Schmitts. Köln; Opladen, 1958. S. 86.*) Как и многие другие философы консервативной революции, *К.Шмитт* не удержался от оправдания и романтизации нацизма.

5* "Тоталитаризм в равной степени антидемократичен, псевдodemократичен и постдемократичен" (*Eckhard J. Totalitarismusforschung im Streit der... S. 10.*

3) легитимация тоталитарных движений и структур, возникающих после достижения ими власти, строится исключительно на основе мобилизации массовой поддержки (в интенциях — всеобщей). Поэтому с самого начала в самохарактеристиках и структурах апелляции используются предельные социальные определения: народный, национальный ("национал-социалистический"), фашистский (фашизм здесь — синоним "единства"; это словоупотребление возникло задолго до появления на сцене *Б.Муссолини*: в итальянской политической риторике оно использовалось еще в 1870-е годы), советский, т.е. соединяющий "рабоче-крестьянские и солдатские" массы (других не было). Идеологический, популистский упор на массовости поддержки тоталитарных институтов и лидеров ("прямая демократия") выступает в полемике с либералами как свидетельство "вышей" фазы демократии, снимающей ненужные формализм и процедурность, растянность конституционно-демократических учреждений. Им противопоставляется решительность и быстрота революционных методов и массовый энтузиазм при установлении новых порядков. Все тоталитарные режимы обещают быстрое решение социальных проблем, рождение нового общества, в котором будут уже невозможны старые отношения и беды.

Образцом, на который ориентировались, не обязательно его принимая, и фашисты, и национал-социалисты, была практика компартии в России, потрясшая воображение европейских наблюдателей. Историки многократно в своих работах отмечали отсылки к опыту коммунистов в России или его переосмысление фашистами и нацистами (записи разговоров с Гитлером, *геббельсовские* дневники). Сошлемся здесь лишь на слова *Ф.Нитти* (итальянского премьер-министра), в 1926 г. заявившего в одном из своих программных выступлений, что "фашизм и большевизм — два полных отрицания либеральной системы и демократии"^{*}. В довольно тенденциозном виде (формирование немецкого фашизма I как "ответ" на русский большевизм) эти взаимосвязи представлены в поздних, уже 70-х годов, работах *Э.Нольте*, за что он многократно подвергался самой резкой критике.

Итак, что составляло специфику новых репрессивных режимов, если судить по этим ранним работам? Один из первых аналитиков, попытавшихся не просто описывать стычки, шествия, митинги или демагогию этих новых движений, но и привести в систему отдельные характеристики, был *В.Гуриан*. Отличие этих новых режимов от известных деспотий или диктатур он видел прежде всего в следующем:

1) тотальная политизация всех сфер жизни, соответственно резкое усиление значимости политической проблематики, интерпретация событий, обстоятельств, проблем всех других сфер жизни (религии, церковной политики, правовой организации, гражданской жизни, представительских форм, армии) в категориях политики нового государства, превращение политики в решающую "жизненную силу". Пропаганда и давление властей нацелено на то, чтобы частными гражданами политические и социальные тезисы, лозунги новой власти принимались и усваивались как собственные внутренние убеждения и взгляды (*privaten Innerlichkeiten*);

2) навязываемые населению представления о приближающейся катастрофе государства, крахе общественного порядка, наступлении хаоса и анархии, избавление от которых, даже "спасение государства", возможно только по соответствующим рецептам лидеров тоталитарных партий и движений. Следовательно, сама возможность такой политики становится политической обязанностью, превращающая тех, кто не согласится с подобными средствами спасения, во врагов нации и народа. Другими словами, новая легитимность государства обоснована обязательной и прямой связью но-

* *Eckhard J. Op. cit. S. 13.*

вого руководства государством с массами, открытой апелляцией к ним. Тем самым устанавливается не только полная монополия на публичность (общественность)*, но и стремительное "освобождение" политики от права;

3) причины успеха тоталитарных режимов видятся в моральном бессилии либеральной демократии, не способной дать массам твердых ориентиров и принципов. Подобный вывод В.Гуриан делал еще в 1929 г., т.е. до победы Гитлера на парламентских выборах в Германии.

Вторая фаза в осмыслении тоталитаризма открывается сочинениями "ренегатов", перебежчиков, бывших партийных активистов и функционеров, оказавшихся в мучительном разладе с практикой новых режимов, которые они поначалу поддерживали с полным энтузиазмом. Речь идет не только о бывших коммунистах или левых социалистах (в Германии, СССР), но и об особо внимательных наблюдателях и участниках гражданской войны в Испании, потрясенных политикой русских коммунистов в Испании или московскими процессами, репрессиями против немецких политэмигрантов-коммунистов, бежавших от Гитлера, но выданных ему Сталиным, а также заключением союза Гитлер—Сталин (пакта Молотов—Риббентроп). Их уникальный, двойной опыт, без которого вообще было бы невозможным изучение тоталитаризма (это относится к позднейшим периодам, поскольку закрытые системы делали всякую информацию оттуда чрезвычайно искаженной или даже мифологичной), способствовал привлечению внимания и к работам ранних критиков фашизма (Дж.Амендольи, Л.Бассо, Ф.Турати, Х.Хеллер и др.), описывавших черты совершенно новых диктатур и массовых репрессивных режимов. Первыми критиками и аналитиками, описывающими складывание диктаторских режимов нового типа, были либо социалисты, либо либеральные католики (В.Гуриан, Л.Стурцо, Л.Бассо, Х.Хеллер и др.)**, к которым через недолгое время — уже в 30-х годах — присоединились отошедшие от коммунистов или левых социалистов политические публицисты и писатели. Большинство последних оказались позднее политическими эмигрантами (Ф.Боркенау, Х.Кон, С.Хайес, С.Нойман, Ф.Л.Нойманн и многие другие). Именно они в это время создают первые теоретические концепции тоталитаризма***, открывающие вторую фазу его исследований.

* *Hürten H.* Waldemar Gurian // "Totalitarismus" und "Politische Religionen" / Hg. von H.Maier. Paderborn; etc., 1996. S. 65.

** См., например, деятельность такого объединения итальянских политэмигрантов в Париже, как "Справедливость и свобода" и др.: Rossellic. "Guistica e leberta" e la concentratione antifascista // Opera scelte oli Carlo Rosselli. Scritti dell'Esilio. Torino, 1998. Vol. 1.

*** См.: Wege der Totalitarismusforschung / Hg. von S.Jenkner. Darmstadt. 1968 (Wege der Forschung, Bd. 140.); *Borkenau F.* The totalitarian Enemy. L., 1940; *Idem.* Zur Soziologie des Faschismus // *Theorien über den Faschismus* / Hg. von E.Nolte. Köln, 1967. S. 156-181; *Neumann F.L.* Behemoth. 2.ed., N.Y., 1944; *Neumann S.* Permanent Revolution. Totalitarianism in the Age of International Civil War. L.: Dunnow, 1965; *Greiffenhagen U.A.* Totalitarismus. Zur Problematik eines politischen Begriffs. München, 1972; *Gleason A.* Totalitarianism: The Inner History of Cold War. N.Y.: Oxford University Press, 1995; *Tormey S.* Making Sense of Tyranny: Interpretation of Totalitarianism. Manchester: Manchester UP, 1995. Наиболее полный на сегодняшнее время обзор концепций тоталитаризма и его отличий от других диктаторских режимов в работах В.Виппермана см.: *Wippermann W.* Totalitarismustheorien. Die Entwicklung der Diskussion von den Anfängen bis heute. Darmstadt, 1997; *Idem.* Faschismustheorien. Die Entwicklung der Diskussion von den Anfängen bis heute. Darmstadt, 7. Ueberarb. Aufl. Primusverlag, 1997. Новейшие дискуссии о тоталитаризме на съезде немецких политологов см.: *Totalitarismus. Sechs Vorträge über Gehalt und Reichweite eines klassischen Konzepts der Diktaturforschung* / Hg. von K.-D.Henke. Dresden, 1999 (Berichte und Studien. N 18).

В центре их внимания находятся задачи по фиксации и описанию возникающих систем и даже не только сама система институтов, а то, что, по представлениям этих авторов, их создает: особая идеология и централизованная, дисциплинированная, иерархически выстроенная партия, ее воплощающая. Благодаря своей особой организации эти партии, опирающиеся на массовые движения, захватывают разными путями власть в государстве и начинают его контролировать, сливаться с ним, вытеснять и уничтожать любых своих политических оппонентов. Репрессии и террор направлены как на внешних политических противников, так в еще большей степени на внутренних "врагов", уничтожаемых с безжалостной решительностью — собственно это и дало поток "отступников", ставших критиками тоталитаризма. Именно эти два обстоятельства на первых порах и заставляют аналитиков выделять тоталитарные режимы в особый тип политических режимов: практика мобилизации масс в масштабах, до того неизвестных, и ожесточенная внутри- и межпартийная борьба, не парламентские методы политической конкуренции, а уничтожение противников в ходе спровоцированных беспорядков, направленных против конкретных социальных групп, репрессии, лишенные непосредственно прагматического значения, но зато обеспечивающие негативную солидарность, основанную на ненависти к "врагу". В качестве такового могут выступать как политические противники — "социалисты", "коммунисты", "фашисты", "ревизионисты", "троцкисты", "классово-чуждые" и пр., так и "расовые", "этнические" сообщества. В исследованиях этого времени описываются несколько типов взаимосвязей, на основе которых возникают феномены массовой мобилизации и поддержки режимов: нагнетание атмосферы крайней угрозы обществу, исходящей от "врагов", необходимость "спасения" неординарными средствами и методами, заявления о невозможности выйти из кризиса без радикального изменения всей прежней системы государственных и социальных отношений в обществе, т.е. без построения нового общества (возрождения, создания новой страны — Италии, Германии, СССР и пр.), требование тотальных и коренных перемен социально-политического порядка, в ходе которых только и могут быть решены частные вопросы (бедности, безработицы, аграрные проблемы). Атмосфере "борьбы" соответствуют новые массовые ритуалы партийно-государственной солидарности, новые, пронизывающие общество организации, которые охватывают все группы населения уже не по политическому признаку, а по аскриптивно-демографическим характеристикам: детские, юношеские, молодежные, женские, национальные меньшинства. Идеологическая дрессура и ритуалы (марши, шествия, демонстрации, новые массовые "праздники", собрания, коллективные мероприятия, хоровое пение и т.д.), митинги протеста и политинформации в учреждениях (пятиминутки "ненависти", как они названы у Дж.Оруэлла), распространившиеся в структуры, которые ранее не относились к политической системе общества (производственные коллективы, школы, органы управления, вообще все бюрократические структуры, домоуправления, где соответствующую роль играли квартальные ответственные и уполномоченные) — все это включается в единую программу систематических мероприятий по воспитанию нового человека. Массовые организации, дополнительные к партийным органам, обеспечивали единую систему дисциплинирования и организации населения. «Современные диктатуры настроены на то, чтобы понимать общество как постоянно находящееся в состоянии войны, ибо только так можно сохранять и поддерживать в них "боевой дух"»*. Близи к этому характеристики

* *Neumann S.* Permanent Revolution... P. 3.

Л.Стурцо: "В тоталитарных государствах нет собственно военной сферы — все области политической жизни милитаризируются", "...коллективная жизнь воспринимается, осознается как жизнь военизированной", а общество соответственно — "как находящееся в состоянии постоянной войны"*. Оси военно-идеологического противостояния могли меняться, но одним из компонентов или полюсов отталкивания всегда включали в себя значения "Запада". Другой полюс был представлен тем или иным тоталитарным режимом — СССР, мировым коммунизмом, Третьим рейхом, нацизмом, фашизмом. Противостояние приобрело характер мировой (цивилизационной) исторической миссии.

Важно подчеркнуть, что эта мобилизационная солидарность предполагала не только негативные мотивы (страх перед угрозой, зависть к имущим), но и высокозначимые ценности и лозунги, входившие когда-то в элиту элитарных групп. Культ мужской силы, молодости, здоровья (спортивности) соединялся при этом с милитаризмом, самовосхвалением, героизацией военного прошлого. Пропаганда делала упор на молодость, имея в виду не только vitalность молодежи, с одной стороны, и ее "короткую память" — с другой, но и вполне реальные перспективы вертикальной мобильности, карьерного успеха, открывшиеся для тех и только для тех, кто демонстрировал лояльность по отношению к партии и режиму. Эти возможности во всех тоталитарных системах напрямую связывались с устранением "нежелательных элементов" — "врагов", социально, этнически, классово "чуждых", открывая тем самым соответствующие "вакансии" и восстанавливая историческую, социальную или расовую "справедливость". Эта технология пропаганды не могла бы оказаться столь эффективной, а поддержка тоталитарных режимов столь продолжительной без современных средств массовой информации, тиражирующих отдельные примеры и превращающих их в общезначимые образцы (что, в свою очередь, создавало в обществе атмосферу безальтернативности, всеобщего "одобрямс").

Особое место в работах этого времени занимают структура и роль тоталитарных партий. Ленинская партия нового типа, как и НСРПГ, радикально отличаются от всего, что ранее имели в виду правоведы, социологи и политологи, например М.Острогорский, и что еще не мог вполне диагностировать Р.Михельс, описывая процессы, развивавшиеся в немецких или итальянских партиях**. Ф.Боркенау, исходя из своего партийного опыта, подчеркивал принципиально новый, в сравнении с партиями парламентского типа, характер отношений внутри них: жесткий централизм и иерархия, полувоенная дисциплина, постепенное устранение — через истребление или репрессии — оппонентов высшего руководства, система внутреннего контроля, слежки, доносов и тем самым прекращение каких-либо дискуссий по важнейшим вопросам организации и программы деятельности. Фанатики или чрезмерно преданные догмам идеологического учения, а также члены партии, имеющие собственные взгляды, неизбежно отсекаются при этом на периферию или устраняются из партии. Такая форма внутренней организации ведет к усилению отношений лояльности к вышестоящим инстанциям и, соответственно, к культивированию сверх-

авторитета лидера и высшего окружения, его соратников, к превращению его в несменяемого вождя, которому постоянная пропаганда придает не просто героический, а экстраординарный, харизматический ореол всеведущего и непогрешимого "вождя и учителя", "отца нации". Этим тоталитарные вожди отличаются от собственно харизматиков, привлекающих к себе необыкновенными качествами и личными способностями, точнее, верой почитателей в таковые; вторичная, ведомственная харизма — производная от бюрократического и однонаправленного устройства самой партийной организации!^{1*}

Помимо указанных, попытки осмыслить феномен культа тоталитарного вождя (Фюрера, дуче, каудильо) как фигуры, персонифицирующей массу в ее сублимированных качествах, как "отца нации", освобождающего массу от моральной, политической, социальной, ответственности, свободы выбора, делаются в тот период и психоаналитически ориентированными авторами (Э.Фроммом, В.Рейхом). Ряд авторов, правда, более позднего времени, придают фигуре вождя центральное значение в функционировании режимов этого типа, полагая, что его личность накладывает в данном случае отпечаток на структуру господства. Но для нас важнее здесь то, что появление вождя и однопартийной системы, контролирующей кадровые назначения в государстве или образующей государственную бюрократию, фактически сливающейся с государством, подменяющей его собой, создают такой режим, при котором уже нет других политических целей, кроме цели партии и вождя. Все вопросы права подчинены целям и интересам государства в лице партийной клики, его возглавляющей. Формальное право (кодексы, системы законов) отменяются или замещаются практикой постоянных распоряжений, мероприятий, указов и подзаконных, ведомственных инструкций, имеющих закрытый характер. Тем самым возникает то, что Э.Френкель называл "двойным государством"^{2*}. При слиянии партии и государственных структур, обеспечивающем всевластие вождя, возникают два нормативных кодекса поведения: один — для партии-государства, другой — для подданных, обычных граждан.

Л.Стурцо, будучи уже в эмиграции в Лондоне, в работе "Политика и мораль" в 1938 г. делает несколько важных выводов о принципиальном отличии тоталитарного государства от диктатур или деспотических правлений, известных политической философии с античных времен: до начала XX в. От всех этих форм большевизм, нацизм или итальянский фашизм принципиально отличаются наличием "тотального государства", характеризующегося прежде всего следующими чертами и качествами: 1) крайней степенью централизации управления; 2) милитаризацией общества; 3) государственной монополией на воспитание (прежде всего молодежи, но и взрослых тоже, формированием "нового человека"); 4) подчинением экономики государству^{3*}. Позднее К.Д.Брачер скажет: «Тотальное государство отрицает возможность существования вне своих рамок любых прав и свобод, ценностей и целей; лишь оно одно само собой воплощает "тотальность целей", значимых и обязательных для всех»^{4*}.

Таким образом, на протяжении второй фазы изучения тоталитаризма, начиная примерно с 1936-1937 гг., происходит не просто описание отдельных характеристик

* Цит. по: *Schafer W. Luigi Sturzo // "Totalitarismus" und "Politische Religionen": Konzepte des Diktaturvergleichs / Hg. von H.Maier. Paderborn; etc.: Schoeningh, 1996. S. 43.* О самом феномене также см.: *Заннер М. Диффузная воинственность в России // Неприкосновенный запас. 1999. № 1. С. 10-21.*

** Об этом см.: *Schapiro L. The Concept of Totalitarianism. Survey // Journal of Soviet and East European Studies. 1969. N 73. P. 101; Idem. Totalitarismus // Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Freiburg; Breslau, 1972.*

^{1*} Близкие к этому положения см. в кн.: *Левада Ю.А. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993-2000. М., 2001. С. 193.*

^{2*} *Fraenkel E. The Dual State. N.Y., 1941.*

^{3*} *Schafer W. Luigi Sturzo // "Totalitarismus" und "Politische Religionen". S. 39.*

^{4*} *Bracher K.-D. Die Aktualität des Totalitarismusbegriffs // Totalitarismus. Berlin, 1988. S. 22.*

практики тоталитарного управления, выявление общих моментов в разных репрессивных режимах и их отличие от других типов диктатуры, но и постепенное соединение всех этих отдельных признаков в общую теорию тоталитаризма. Соединение происходит главным образом на основе сопоставления практики советской и нацистской. Приведем тематику этих работ: режим постоянной массовой мобилизации, миссионерская идеология, репрессивный контроль за каналами массовых коммуникаций и превращение их в органы постоянной пропаганды и агитации, партийная монополия и вождизм, подавление структур гражданского общества и, соответственно, замена законов практикой распоряжений и технических инструкций (Э.Френкель, проводя различие между правовым государством и тоталитарным режимом, называл подобные диктатуры "государством мероприятий", *Massnahmenstaat*). Однако, как это показал Л.Шапиро, у всех тоталитарных режимов, независимо от того, что реально делается в стране, непременно присутствует антураж демократических процедур.

Определенное значение, впрочем, скорее для немецких исследователей, нежели для тех, кто занимался советским режимом, имело использование понятия "тоталитарное государство" (в том виде, в каком оно тогда было разработано) для критики слабости либеральной демократии, неспособной, как тогда многим казалось, сопротивляться угрозе расползания тоталитарных движений и их институционализации. Немецкие эмигранты в США, как подчеркивает В.Краусхаар, использовали понятие "тоталитарное государство" для критики традиций правоконсервативного немецкого "государствования" (*Staatslehre*). Но это скорее внутрицеховая полемика, чем общетеоретическая дискуссия по данной теме. А потребность в последней становится чрезвычайно острой. В 1937 г. редакция журнала "Social Research" организует конференцию об индивидуальной свободе, где основные докладчики рассматривают данные проблемы прежде всего на опыте становления европейских диктатур. Перед самой войной, в ноябре 1939 г., в США прошла первая специальная научная конференция "Симпозиум о тоталитарном государстве с точки зрения истории, политических наук, экономики и социологии", на которой разбирались процессы, идущие в СССР, Германии, Испании и Италии. На конференции собрались исследователи, принадлежавшие главным образом к кругу бывшего Франкфуртского института социальных исследований (*New School of Social Researches*).

Вторая фаза изучения тоталитаризма была прервана войной. На некоторое время по понятным причинам прекратилось и сопоставление советской и нацистской систем. Именно в это время усилиями коминтерновцев и советских пропагандистов родился миф антифашизма, на долгое время (в России почти навсегда) блокирующий возможности рационализации советской системы. То, что СССР оказался в результате нападения гитлеровской Германии не ее союзником, а противником, а советская, сталинская система стала осознаться в качестве ведущей силы антигитлеровской (антифашистской) коалиции, как бы снимало вопрос о природе коммунистического режима. С этого времени знак равенства между "советским строем", "новой демократией" и "антифашизмом" стал общепринятым.

Чисто теоретическая, исследовательская трудность заключалась не только в том, что к середине 30-х годов, но и даже к началу войны сам "объект" — тоталитарные режимы — еще не достиг полноты своего "развертывания". Действительно, многие стороны тоталитарных обществ были к тому времени мало или совсем неизвестны: хотя советская практика террора, включая репрессии против корейцев на Дальнем Востоке (а после оккупации балтийских стран — против латышей, литовцев, эстонцев), уже достигла

пика и лишь этнические репрессии против поволжских немцев, народов Кавказа, крымских татар, калмыков в полной мере развернулись позже, во время войны, но для нацистов программа окончательного решения еврейского вопроса, равно как судеб цыган и других неарийских народов, была еще впереди. В этом смысле тоталитарные режимы еще не стали предметом "всеобщей" или, точнее, безусловной, моральной оценки. Информация о репрессиях и терроре воспринималась многими на Западе с недоверием, в этом видели отдельные эксцессы новых политических систем. Нужен был факт Холокоста, чтобы после Нюрнберга мог быть предъявлен абсолютный счет на нацизм (для советского режима он так и не был установлен никогда). Однако Нюрнберг, или правильнее — та цепочка политических судов, которыми в 1946 г. был начат процесс денацификации, был скорее юридическим событием, а не интеллектуальным, не собственно научным. Для теоретической работы с проблематикой тоталитаризма необходима была очень значительная по трудности, исследовательности, комплексности работа по ценностной рационализации и рефлексии природы тоталитаризма — моральной, философской, антропологической, а уже потом, во вторую очередь, чисто теоретической (именно этой работы в СССР, в российском обществе фактически не было).

Ценностная работа такого рода была начата и в большей степени проведена не столько социальными исследователями, не историками, даже не профессиональными политологами, т.е. не специалистами, а литераторами, интеллектуалами, писателями, чаще всего — перебежчиками или ренегатами социалистических или коммунистических партий. Это обстоятельство специально и совершенно справедливо отмечают и К.Баллерстрем, и В.Краусхаар, и Ж.Рупник. Назову лишь несколько особо знаменательных имен из перечисляемых ими интеллектуалов, вынужденных с большим трудом, очень болезненно для самих себя переоценить свой опыт, надежды и иллюзии, связанные с социализмом: А.Кестлер, Дж.Оруэлл, И.Силоне, А.Мальро и более известные на Западе, чем в России, Э.Кампензано, Дж.Горкин, Дж.Реглер, С.Спендер, А.Канторович и др. Художественная литература от Е.Замятина до А.Зиновьева, используя формулу антиутопии (исторического самосознания, субъективности, самоконституирующейся в формах дневника, воспоминаний, обретения и возвращения памяти), дала наиболее важные и последовательно прописанные, продуманные конструкции тоталитарных социумов. Хотя акцент при этом делался на подавлении любых человеческих и культурных ценностей, кроме идеологических, чрезвычайно важную роль имело описание феномена институциональной лжи, природы языка тоталитаризма, прежде всего Дж.Оруэллом и В.Клемперером.

Мобилизация, а-историчность и антикультурность характеризовались как способы деиндивидуализации человека, формирования двоемыслия, а изоляционизм, примитивная коллективная идеологизация, патриотизм, довольство в нищете, поддержание оппозиции "мы—они" (образ врага) и пр. как необходимые элементы сохранения репрессивного порядка. Вообще, видимо, только подобное знание, двойственный внутренний опыт существования в тоталитарном обществе, а затем жизни в демократических странах Запады позволял выразить проблемы тоталитаризма, поскольку внутри самих закрытых тоталитарных обществ не мог формироваться даже язык описания, понятийной генерализации и сравнения. Можно было только эстетически зафиксировать эту социальную и культурную шизофрению повседневного существования (как это представлено у А.Зиновьева в "Зияющих высотах", на первый взгляд, лишь записавшего расхожие московские анекдоты и интеллигентские разговоры) или саму

защитную дистанцию по отношению к идеологии и практике тоталитарной пропаганды. Но сами по себе эти формы не могли стать основой систематической и куммулятивной работы по осмыслению тоталитарной системы и собственной жизни, это могло быть сделано только извне. Поэтому так была важна и философская эссеистика, если не сказать, философская публицистика, таких авторов, как К.Поппер (прежде всего "Открытое общество и его враги"), Ф.Хайек и другие, оказавшие очень серьезное влияние на современников.

Почти сразу после войны становятся известными масштабы террора, первоначально нацистского (система концлагерей и лагерей уничтожения), затем — советского и сателлитов СССР.

Третья фаза в изучении тоталитаризма начинается с выхода работ, в которых систематизировались и сводились результаты более ранних исследований в единые концептуальные модели. Среди многих публикаций этого времени необходимо выделить две работы, приобретшие особый авторитет и ставшие классикой в данной области политических наук: "Истоки тоталитаризма" Ханны Арендт (1951) и первый доклад К.И.Фридриха о тоталитарных системах, через несколько лет дополненный им вместе с З.Бжезинским (его тогдашним сотрудником) в виде аналитического изложения многочисленных прежних разработок различных ученых, "Тоталитарные диктатуры и автократия" (1956)*. По существу, несмотря на близость определений и характеристик тоталитаризма, в этих работах были намечены разные тематические линии в разработке проблемы.

Х.Арендт делала упор на идеологические моменты формирования тоталитарной системы и террор как функцию идеологии. Для нее террор — определяющий признак описываемых режимов. Она подчеркивала, что дело не в самом содержании идеологии, а в том, что последняя создает условия для установления тотального порядка. Террор в системах такого рода лишен прагматического, утилитарного смысла, это не средство достижения руководством каких-либо конкретных целей, он воспринимается, рационализируется всегда как вынужденное исполнение законов некоей высшей логики, фатальности почти естественных или исторических процессов. "Тоталитарный режим может чувствовать себя в безопасности, пока он способен мобилизовать силу воли самого человека, чтобы заставить его влиться в то гигантское движение Истории или Природы, которое, предположительно, использует человечество как свой материал и не знает ни начала, ни конца, ни рождения, ни смерти. Итак, с одной стороны, внешнее принуждение тотального террора, который железом и кровью сбивает в одно стадо массы изолированных индивидов и одновременно поддерживает их в этом мире... с другой — самопринудительная сила идео-логики, логической дедукции, которая отдельно готовит к террору каждого индивида в его одиночестве и разобщенности со всеми другими, — эти два вида принуждения соответствуют один другому и нуждаются один в другом, чтобы запустить управляемую террором людскую машину и поддерживать ее в постоянном движении. Как террор... разрушает все взаимоотношения между людьми, так и самопринуждение идеологического мышления разрушает все его связи с реальностью. Подготовка к террору успешно завершена, если люди потеряли контакт со своими ближними и с реальностью вокруг себя, ибо вместе с этими контактами человек теряет способность мыслить и учиться на опыте. Идеальный подданный тоталитарного

* Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: Центрком, 1996; Totalitarianism / Ed. C.J.Fridrich. Cambridge (Mass.), 1954; Fridrich C.J., Brzesinsky Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge (Mass.), 1956.

режима — это не убежденный нацист или убежденный коммунист, а человек, для которого более не существуют различия между фактом и фикцией (т.е. реальность опыта) и между истиной и ложью (т.е. нормы мысли)*. Поэтому очень значительная часть книги Х.Арендт посвящена рассмотрению предыстории тоталитарных режимов — роли и типам антисемитизма (функции врага в структуре разорванного, беспочвенного, атомизированного массового сознания, конспиративного сознания), взаимосвязям расистской идеологии и бюрократии, имперской идеологии, кризису буржуазного сознания и т.п. как необходимым условиям негативной консолидации, массовой мобилизации. Многие из ее идей и разработок, прежде всего представление о глубинной связи тоталитаризма и индустриализации, современных технологий и террора, о массовом атомизированном обществе и роли фюрера как социального выражения этой разобщенности, беспочвенности, о внесубъективной логике мыслительных формул (в первую очередь, социальной суггестии технического или формального рационализма, а затем и рационализма всего Просвещения), через франкфуртскую школу в эмиграции перешли к новым левым, а потом — к новым правым. Г.Маркузе, Т.Адорно и другие довели их до крайности, абсурдного преувеличения, но именно в таком виде эти мысли, вульгаризированные и клишированные, стали частью вокабуляра нынешних критиков модерности, пока окончательно не превратились в карикатурные эскерсисы и манерничанье постмодернистов.

Напротив, подход К.И.Фридриха и З.Бжезинского (на мой взгляд, гораздо более эффективный и позитивный, в смысле — адекватный задачам эмпирического социального познания) сводился прежде всего к задачам сравнительного описания и анализу институциональной структуры тоталитарных режимов, изучению технологии тоталитарной власти. К.И.Фридрих не отрицал конститутивной для тоталитарных систем роли террора, но придавал ему более прагматическое и политически инструментальное, не столь метафизическое значение.

В 1954 г. на второй послевоенной конференции по тоталитаризму (первая состоялась по стечению обстоятельств 5 марта 1953 г., и на ней выступали Дж.Кеннон, К.И.Фридрих, К.Хайес и др.) К.И.Фридрих впервые изложил свои знаменитые пять пунктов теории тоталитаризма, которые позднее они с З.Бжезинским назвали "тоталитарным синдромом": идеология; однопартийная система; террор, осуществляемый тайной полицией и другими институтами; монополия на информацию и коммуникации; монополия на оружие. В 1956 г. в совместной с З.Бжезинским работе Фридрих добавил еще один, шестой пункт: централизованно управляемая экономика. Авторы в дальнейшем не раз меняли формулировки и детализацию составляющих "синдрома", расширяя и симптоматику, и функциональные особенности тоталитарных структур. Мне придется пересказать эти составляющие своими словами, добавляя к их аргументам сходные соображения, высказываемые близкими к ним по духу и позиции исследователями.

1. Официальная, монополюльно существующая идеология, полностью отрицающая предыдущий социально-политический порядок. В ней провозглашается необходимость консолидации всего населения для построения нового мира. Эта идеология представлена в виде более или менее систематически развернутой официальной доктрины, охватывающей все жизненно важные сферы человеческого бытия. Она сконцентрирована на "конечных состояниях" общества (т.е. обусловлена хилястическим призывом), ориентирована на стремление завоевать мир ради того, чтобы построить новое общество.

* Арендт Х. Указ. соч. С. 615.

2. Единственная правящая партия, опирающаяся на массовую поддержку, но возглавляемая одной личностью — вождем. Партия состоит из ядра, страстно и непоколебимо преданного идеологии и готового всемерно содействовать ее распространению, и внешней организации, пронизывающей всю структуру государственного аппарата. Вождь обретает в этих условиях качества непогрешимости, всеведения, он становится воплощением истинной демократии, заменяющей плутократическую демократию буржуазии. Возникающие структуры управления строго централизованы и иерархичны, хотя со временем в самой государственной бюрократии возникают тенденции к формированию олигархических групп.

3. Мощная террористическая тайная полиция, проводящая массовые репрессии, устранившая противников и нежелательные элементы режима. Террор, проводимый спецслужбами, становится условием признания официальной политики, "эффективной" предпосылкой ее общего принятия.

4. Государственный контроль за средствами массовой информации, превращающий их в систематически действующие органы официальной пропаганды и агитации, мобилизация населения для поставленных партией и вождем целей для консолидации общества. Террор в данном случае имеет не индивидуальный, избирательный характер, а вместе с пропагандой представляет собой систематически применяемую технологию массового управления, основанную на современных средствах и методах психологического контроля. Без этой технологии (централизованной рационально действующей бюрократии) тоталитарные режимы не могут состояться и функционировать.

5. Монополия на вооружение, на все виды применения силы — монополизация контроля за армией, полицией, полувойсковыми структурами и образованиями.

6. Централизованная, государственно регулируемая экономика, подчиняющая хозяйственно-экономическую деятельность политическим целям и задачам.

И К.Й.Фридрих, и З.Бжезинский вместе и по отдельности многократно подчеркивали идеально-типический, модельный характер своей конструкции тоталитарной системы, каждый раз оговариваясь, что социально-исторические формы тоталитарных режимов могут значительно отличаться от этой модели, равно как и друг от друга. Акцент ими делается прежде всего на объяснении функционирования этой институциональной системы, а не на истории ее возникновения или историческом своеобразии определенного режима, тем более, что важно в свете последующей критики, не на причинах или факторах ее трансформации во что-то иное. Иными словами, важнейшая особенность тоталитарных государств — невиданные ранее в правовом демократическом или в традиционном обществе объемы государственной власти и технологические возможности реализации целей государственной политики на основе массовой мобилизации*. То же самое подчеркивали и другие исследователи. Так, К.Дойч (1954) считал главным в теоретических разработках по проблеме тоталитаризма — все, что связано с объяснением механизмов и условий мобилизации масс государством — единство руководства и эффективную исполнительную власть. Подобная "лихорадка постоянной мобилизации"*** — результат совокупного действия всех институциональных структур тоталитарного режима.

(Окончание статьи см. в следующем номере.)

* "Новые черты тоталитарных режимов XX в. заключаются в организации и методах осуществления контроля за массами с помощью достижений современной науки и техники, а также — в целях самого контроля". *Fridrich C.J., Brzesinsky Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge (Mass.), 1956. P. 67.*

** *Schapiro L. The Concept of Totalitarianism. Survey // Journal of Soviet and East European Studies. 1969. N 73. P. 101.*

Ирина ПЕРОВА

Избыточная численность работников на предприятиях промышленности: оценка масштабов и перспективы сокращений

Адаптация российской экономики к рынку должна была бы привести к ликвидации избыточной занятости на предприятиях промышленности и, соответственно, сопровождаться массовыми высвобождениями и ростом безработицы. Однако этого не произошло, что объясняется рядом причин.

Во-первых, на начальном этапе адаптации, когда на первый план вышли задачи формирования рыночных институтов и достижение макроэкономической и финансовой стабилизации, структурные проблемы и проблемы эффективности работы предприятий находились не в "фокусе" внимания исследователей. Предполагалось, что создание институтов рыночной экономики обеспечит оптимальные пропорции экономического развития. Другими словами, решение структурных проблем экономики, а вместе с ними и вопросов формирования эффективных механизмов распределения и перераспределения "человеческого капитала" откладывалось на будущее*.

Во-вторых, сдерживание массового высвобождения лишних работников на первых этапах рыночных преобразований было целесообразно из социальных соображений. К происходящим изменениям предприятия приспосабливались не столько за счет сокращения избыточной численности работников, сколько за счет гибкости оплаты труда, а также его продолжительности и интенсивности (низкий уровень заработной платы, систематические задержки с ее выплатами, высокая дифференциация заработков, административные отпуска, перевод на неполное рабочее время)**.

В настоящее время сохранение избыточной численности работников по сравнению с потребностями производства по-прежнему является одной из характерных черт российской промышленности. В течение предыдущих четырех лет, по данным опросов руководителей промышленных предприятий***, наблюдается изменение масштабов избыточной занятости (табл. 1). В декабре 1998 г., через три месяца после финансового кризиса, 43% опро-

* *Кузнецов Б. Структурные реформы в экономике и роль активных программ содействия занятости в сглаживании негативных социальных последствий реструктуризации: Материалы международного семинара "Активные программы содействия занятости". Москва, 2–3 окт. М., 2001. С. 2.*

** *Капелюшников Р. Российский рынок труда: Адаптация без реструктуризации. М., 2001. С. 199.*

*** В статье приводятся данные "Мониторинга социально-трудовой сферы на предприятиях промышленности", который ВЦИОМ проводит при поддержке Министерства труда Российской Федерации с 1997 г. Всего было проведено восемь опросов по двум анкетам. Одна из них предназначалась экспертам (только руководителям высшего звена промышленных предприятий), а вторая — работникам различных профессионально-должностных групп, включая руководителей разного уровня, специалистов, служащих и рабочих. В 1997-1999 гг. опросы шли на 60 предприятиях промышленности, расположенных в 17 регионах России, в июне и ноябре 2000 г., июне 2001 г. — по обновленной выборке на 91 предприятии в 31 регионе России. Выборка контролировалась по таким признакам, как отрасль промышленности, форма собственности и среднесписочная численность занятых. Объем выборки — в каждой волне около 1200 работников и 200 руководителей первого и второго уровней. Предыдущую публикацию по этому проекту см.: *Хажулина Л., Перова И. Промышленные предприятия в 2000 г. // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2001. № 3. С. 20–24.*